

УДК 821.111(73)

DOI: 10.17223/19986645/55/10

**А.В. Григоровская**

## **РЕЦЕПЦИЯ РЕНЕССАНСНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ АЙН РЭНД**

*Исследуется влияние философских принципов Ренессанса на произведения Айн Рэнд, которая обращается к рецепции ренессансной концепции личности в трактовке Ф.Ф. Зелинского, трансформируя ее в своих произведениях. Идеальный человек Рэнд представляет собой социальное и природное существо, соединяющее в себе оба начала. Айн Рэнд создает собственную индивидуальную утопию, которой свойственно преодоление дуализма человеческой личности, впервые утверждаемой мыслителями Возрождения.*

*Ключевые слова: Айн Рэнд, эпоха Возрождения, американская литература, ренессансная концепция личности, индивидуализм.*

**1. Введение: истоки ренессансного мышления у Айн Рэнд.** Одним из важнейших положений философии эпохи Возрождения был антропоцентризм, который зиждился на понимании того, что человек есть Бог (в противовес человеку средневекового понимания, который был рабом божьим, «разумным животным»), а также следующий из антропоцентризма индивидуализм, обожествление человека и культивирование в нем героического начала и прославление его разума. Ренессансный гуманизм – «ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа» [1. С. 48] – породил новый идеал человека свободного, сильного, целостного, способного изменить себя и мир. Несмотря на разнообразие философских концепций, порожденных эпохой Возрождения, его ядром всегда оставались именно антропоцентризм и гуманизм.

Мысль о поиске в художественных текстах Айн Рэнд (Алисы Розенбаум), американской писательницы и мыслителя русского происхождения, философских идей эпохи Возрождения обусловлена тем, что созданная ею философия объективизма центральным «догматом» полагает признание ценности человеческого разума, однако не ограничивается механистическими представлениями Просвещения о разуме как отдельной единственной направляющей силе человека. Как отмечает П. Гуревич, философы эпохи Просвещения делали особый акцент «именно на разуме, который будто бы обеспечивает относительную целостность личности, отвращая ее от пороков, страстей и других проявлений эмоций. Это не позволяло мыслителям Просвещения последовательно раскрыть проблему человеческой индивидуальности» [2]. Айн Рэнд развивает индивидуальную утопию, опираясь в своем философском и художественном творчестве на фундаментально значимые для западноевропейской цивилизации ценности величия и свободы человека, расцветом которых был, по мнению, П. Гуревича,

Ренессанс: «В истории европейской мысли не было другой эпохи, которая с подобной силой утверждала бы человеческую личность в ее грандиозности, красоте и величии» [2].

Сама Айн Рэнд недвусмысленно обозначает свое отношение к эпохе Возрождения: «Средние века были эпохой мистицизма, где правила слепая вера и слепое подчинение догмату превосходства веры над разумом. Период Возрождения стал в первую очередь временем возрождения разума, освобождения человеческого мышления, триумфа рациональности над мистицизмом – непродолжительным, неполным, но страстным триумфом, который позволил зародиться науке, индивидуализму и свободе» [3. С. 196]. Называя Ренессанс в статье *For The New Intellectual* (1961, на русский язык не переводилась) «the rebirth of man's mind»<sup>1</sup> [4. Р. 24], Айн Рэнд полагала этот период человеческой цивилизации важнейшим для дальнейшего прогресса как науки, так и учений о свободе человека. Во введении к своему трактату «Романтический манифест: Философия литературы» (*The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature*, 1969) Айн Рэнд рассуждает о Возрождении, как о переломной эпохе после Античности и «регресса Средневековья» [5. Р. 9]. Айн Рэнд часто связывают с историей развития либертарианства, на которое также огромное влияние оказали идеи ренессансного гуманизма: «Предыстория либертарианства достигла кульминации в период Ренессанса и протестантской Реформации. Повторное открытие классического учения и гуманизма в эпоху Ренессанса обычно считается приходом современного мира на смену Средневековью. Со всей страстью романиста Айн Рэнд высказалась о Ренессансе как о рационалистической, индивидуалистической и светской разновидности либерализма...» [6].

Говоря об истоках ренессансного мироощущения в творчестве Рэнд, необходимо прежде всего отметить тот факт, что писательница родилась в России и получила образование в Петроградском университете по специальности «социальная педагогика», объединявшей историю, филологию и право (1921–1924), что в значительной степени определило ее дальнейшее становление как философа в США, куда она эмигрировала в 1925 г. Как отмечает американский специалист по наследию Айн Рэнд С.М. Sciabarra, одним из ее преподавателей, вероятно, был русский филолог-классик Ф.Ф. Зелинский [7. Р. 460]. Поскольку сама Айн Рэнд отрицала свою связь с русскими корнями на протяжении всей жизни, в научном сообществе США существует мнение, что она есть «продукт» американского менталитета, однако С.М. Sciabarra доказывает ее связь с русскими культурными традициями (в частности, он отмечает в ее творчестве рецепцию русского ницшеанства в трактовке Зелинского [Ibid. Р. 77]). Мы согласны с мнением исследователя и считаем, что отрывать Рэнд от исторических корней – значит вступать в противоречие, ведущее к значительным искажениям в понимании ее мировоззрения. Исходя из этого, эстетика Ренессанса в ее творчестве может исследоваться только в контексте опосредованного влияния (не напрямую через тексты конкретных писателей данной эпохи).

---

<sup>1</sup> «Возрождение человеческого разума» (здесь и далее – перевод автора).

Зелинский является представителем либерально-западнического направления и в своих работах идеализировал античную культуру и культуру Ренессанса. Он выступал за обновление России путем «славянского Ренессанса». В двухтомнике «Возрожденцы» (1922) он освещает судьбы людей (Цицерон, Шекспир, Мицкевич и др.), которые «возрождали» в своем творчестве античные идеалы (как и в эпоху Ренессанса). Утверждая взгляд на Ренессанс как эпоху торжествующего индивидуализма, Зелинский отмечает, что ренессансная личность ищет спасения «не в борьбе с интересами массы, а вне ее» [8. С. 34]. Называя Возрождение эпохой пробуждения и освобождения личности, он утверждает ценность этого временного отрезка перед следующим за ним Просвещением: «Эпоха Просвещения, будучи во многом продолжением и развитием эпохи Возрождения, имеет одну особенность, которая ее резко отличает от нее; эта особенность – дух пропаганды. Возрождению этот дух совершенно чужд: человек эпохи Возрождения ищет спасения, как мы видели, не в борьбе с массой и ее интересами, а вне массы, в уединении, или в общении с другими личностями, с которыми его связывает дружба; человек эпохи Просвещения, напротив, обращается к массе. Там человек старается выделиться из массы; здесь личность старается подчинить массу себе...» [Там же. С. 45].

Как мы можем увидеть, Айн Рэнд продолжает именно линию Зелинского в критике Просвещения как эпохи, потерявшей многие ценности ренессансной культуры. В уже упомянутой работе *For The New Intellectual* она заявляет: «The nineteenth century <...> was the result and the last achievement of the intellectual power released by the Renaissance <...> But they [the Post-Renaissance philosophers – А.Г.] were like men living on the energy of the light rays of a distant star, who did not know (it was not their primary task to know) that that star had been extinguished. It had been extinguished by those whose primary task was to sustain it. From the start of the post-Renaissance period, philosophy – released from its bondage as handmaiden of theology – went seeking a new form of servitude, like a frightened slave, broken in spirit, who recoils from the responsibility of freedom»<sup>1</sup> [4. С. 23]. Далее Рэнд критикует рационализм Декарта, отмечая его субъективизм в определении разума как данности, которой должна соответствовать реальность. Отрицая материализм эпохи Просвещения, Рэнд утверждает порочность как рационализма, так и эмпиризма, полагая их в равной степени опасными предшественниками социализма, борьбе с которым она посвятила свою жизнь [9. С. 50–57] (Зелинский также трактует идеи эпохи Просвещения как в значительной сте-

---

<sup>1</sup> «Девятнадцатый век <...> был результатом и последним достижением интеллектуальной мощи, высвобожденной Ренессансом <...> Но они (постренессансные философы. – А.Г.) были, словно люди, живущие энергией лучей света далекой звезды, которые не знают (и это не было для них вещью первостепенной значимости), что эта звезда угасла. Она была погашена теми, чьей главной задачей было поддержание ее света. С началом постренессансного периода философия, освобожденная от рабства служанка богословия, отправилась искать новую форму рабства, подобно испуганному рабу, сломленному духом, который отказывается от ответственности за свободу».

пени этатистские): «Rand's analysis of rationalism and empiricism is not restricted to their post-Renaissance historical incarnations. Rand maintained that both rationalism and empiricism are employed as methods of inquiry by contemporary social scientists. Such modes of investigation must lead inevitably to a fragmentation of knowledge»<sup>1</sup> [7. P. 204].

Другим учителем Айн Рэнд, по мнению С.М. Sciabarra, повлиявшим на ее философский метод, был русский философ-интуитивист Н.О. Лосский, отрицавший рационально-эмпирическую дихотомию. Лосский также преподавал на курсе у Рэнд. Со слов самой Рэнд, изложенных в книге С.М. Sciabarra, он высоко ценил Алису Розенбаум (настоящее имя Рэнд) как способную студентку. Уже в студенческие годы она имела самобытный взгляд на многие философские проблемы. Впоследствии Рэнд, как и ее учитель Лосский, будет рассматривать дихотомию «разум – опыт» как форму субъективизма [Ibid. P. 7], что приведет ее к мысли о трансформации ренессансной концепции человека: «Consciousness, as such, includes moments of perception, volition, focus, reason, abstraction, and conception. For Rand, these are not separate faculties. Each is both a component part of the others and a distinct aspect of a single, integrated totality»<sup>2</sup> [Ibid. P. 154].

Другим немаловажным фактом, который необходимо учитывать, говоря о рецепции ренессансной концепции человека у Рэнд, является тот факт, что Зелинский был руководителем Союза Третьего Возрождения, существовавшего в Петрограде в начале XX в. Своей целью члены Союза, куда входили Н. Бахтин, М. Бахтин, Вяч. Иванов, Л. Пумпянский и др., имели возрождение античной культуры, новый славянский Ренессанс. Огромное влияние на идеи русского Ренессанса оказал Ф. Ницше (в либералистской трактовке Зелинского). «Возрожденцы» утверждали новый тип «творца – художника-теурга, созидającego искусство, которое выходит за пределы эстетического и мыслится как средство преображения действительности» [10]. Этот новый тип человека сближался с «ренессансным» типом homo universalis. Многие символисты воспевали ценности Ренессанса (например, у К. Бальмонта есть ряд стихотворений, посвященных Микеланджело, Леонардо да Винчи, Шекспиру и т.д.).

Конечно, Айн Рэнд могла и не посещать собрания Союза, но не могла не знать о них, будучи студенткой Петроградского университета. Идеи, которые тогда распространялись среди молодежи, что называется, «витали в культурном воздухе» эпохи Серебряного века. Эмигрировав по идеоло-

---

<sup>1</sup> «Анализ рационализма и эмпиризма, осуществленный Рэнд, не ограничивается их постренессансными историческими воплощениями. Рэнд утверждала, что как рационализм, так и эмпиризм используются в качестве методов исследования современными социальными учеными. Такие методы исследования должны неизбежно привести к фрагментации знаний».

<sup>2</sup> «Сознание как таковое включает в себя моменты восприятия, воли, внимания, рассудка, абстрагирования и понимания. Для Рэнд это не отдельные способности. Каждый из них является одновременно составной частью других и отдельным аспектом единой, интегрированной совокупности».

гическим соображениям в США, Айн Рэнд стала строить свою авторскую утопию не без участия ренессансных идей в трактовках русских философов начала XX в., впитанных ею в России. Цель нашего исследования – проследить рецепцию ренессансной концепции человека в художественных произведениях писательницы для объяснения феномена восприятия Айн Рэнд в России и за рубежом как автора индивидуальной утопии, в основе которой лежит «преодоление дуалистичности» человеческой личности.

## **2. Ренессансная концепция личности в произведениях Айн Рэнд**

**2.1. Человек-индивидуалист.** Обратимся к философским размышлениям Айн Рэнд: «“Индивидуализм” утверждает человека единицей ценности социального контекста; это моральное следствие принципа, что каждый человек есть цель и завершение самого себя» [9. С. 440]. Наиболее неприкрыто этот принцип реализован в повести Айн Рэнд «Гимн» (*Anthem*, 1938), которую А. Вильгоцкий назвал «одной из самых поэтических од индивидуализму» [11. С. 95]. В этом произведении Айн Рэнд создает манифест индивидуализму как форме не только жизни, но и мышления: «Однако для героя «Гимна» процесс обретения собственного имени становится воистину знаковым явлением, поскольку для него местоимение “я” –местилище макро- и микрокосмоса идей, значений, потенциальных возможностей, апофеоз свободы, независимости и значимости» [12. С. 182–183]. Важно, что уже в первой своей повести Рэнд утверждает одновременно отделенность человека от природы и включенность в нее через овладение и наслаждение ею: «Я есть. Я думаю. Я хочу. Мои руки. Моя душа. Мое небо. Мой лес. Это моя земля <...> Мои глаза видят, и они дарят миру красоту» [13. С. 99]. В соответствии с ренессансным пониманием всего мира как дома для человека главный герой повести заявляет: «Не знаю, есть ли земля, на которой я стою, сердце вселенной или только пушинка, затерянная в вечности. Не знаю и не думаю об этом» [Там же. С. 100].

Принцип индивидуализма ярко проявляется именно в эпоху Возрождения, когда формируется новая система ценностей и пересматривается положение человека в мире. Индивидуализм понимался как возможность сильного человека утвердить себя в этом мире. Известный швейцарский историк культуры Я. Бурхард так описывал этот процесс: «Основной характерный порок той эпохи одновременно создавал ее величие: этим пороком был крайний индивидуализм... Видя торжество эгоизма вокруг себя, человек был вынужден защитить свои права с помощью своей собственной силы» [14. С. 150]. Нужно отметить, что, несмотря на большую свободу от любой жесткой иерархии, закономерно возникающую в эпоху Возрождения, ренессансное общество «сохраняло средневековый иерархический принцип расположения людей, но не на феодальной основе происхождения и не на чисто религиозной основе» [1. С. 94]. Имеется в виду иерархия на основе изначально присущих человеку талантов и склонностей и наличия либо отсутствия у человека желания их развивать: «Подобное равенство неизбежно подразумевает неравенство и не противоречит ему» [Там же].

Начав процесс освобождения человека от обусловленности его родословной, Возрождение позволило каждому человеку развиваться самостоятельно и независимо, при этом не гарантируя ему полного равенства с другими, ибо истинный индивидуализм подразумевает конкуренцию. Таковы и ключевые герои Айн Рэнд: обвинения в том, что все сильные герои Айн Рэнд получили свое «место под солнцем» не сами, по меньшей мере, неверны. Во-первых, мы имеем в виду Дагни Таггерт, вице-президента железнодорожной компании «Дагни Трансконтинентал» («Атлант расправил плечи», *Atlas Shrugged*, 1957), которой руководство компанией досталось «по наследству» от отца. А брат Дагни, Джеймс Таггерт, будучи президентом компании, не в состоянии принять ни одного стратегически верного решения. Во-вторых, обратившись к истории главного героя романа «Источник» (*Fountainhead*, 1943) – Говарда Рорка, увидим, что он вовсе не выходец из богатой семьи, не потомственный архитектор (тогда как у его антагониста в романе, Питера Киттинга, богатая семья и связи в обществе), однако именно он становится известным благодаря своему таланту: «Он сам заработал деньги на учебу в школе и на три года института. С самого детства он работал на стройках простым рабочим» [15. Т. 1. С. 23]. В-третьих, вот как описываются молодые годы «стального короля» Хэнка Риардена: «Ему было тогда четырнадцать лет, шел первый день его работы на железном руднике в Миннесоте. Он пытался научиться преодолевать жгучую боль в груди и стоял, ругая себя, потому что заранее решил заставить себя не устать» [16. Т. 1. С. 41]. Таким образом, иерархичность, созданная в художественном мире Айн Рэнд, имеет своей причиной единственно талант, трудолюбие и целеустремленность человека.

Героиня романа Айн Рэнд «Мы живые» (*We the Living*, 1936) Кира Аргунова говорит о неравенстве людей в диалоге с большевиком Андреем Тагановым: «Потому что люди не равны в способностях и нельзя обращаться с ними так, будто они равны» [17. С. 86]. Кира имеет в виду неравенство талантов и способностей, которое присуще с рождения каждому, но не неравенство происхождения (здесь мы снова видим влияние Зелинского, который особо подчеркивал изначальное неравенство людей, присущее ренессансной философской мысли [8. С. 45]). Когда Таганов удивленно спрашивает ее, почему же она не борется с большевиками, она отвечает: «Я не хочу сражаться за людей, я не хочу сражаться против людей. Я не хочу слышать о людях. Я хочу, чтобы меня оставили в покое, я хочу жить» [17. С. 86]. В словах Киры – крайний индивидуализм, убеждение, что всякий человек сам ответствен за свою жизнь. Ориентация индивида на свое личное «возвышение» – отличительная черта ренессансного гуманизма: «Гуманисты полагали, что божественной природой каждому человеку в принципе дана возможность возвыситься и стать более или менее исключительным, “героическим” благодаря “доблести”. Следовательно, признавалось естественное исходное равенство на пути к превращению в избранных!» [1. С. 92]. Важно, что Зелинский также считает сосредоточенность индивида на самом себе и отстраненность от проблем других людей

отличительной чертой именно ренессансной эстетики (тогда как просветительскому рационализму будет свойственно стремление подчинить массу людей себе [8. С. 45]), и тут рецепция его идей Айн Рэнд очевидна.

Как следствие антропоцентризма, в эпоху Возрождения формируется отношение к человеческой жизни как к высшей ценности. Земная жизнь со всеми ее тревогами, заботами, устремлениями и наслаждениями признается первостепенной по значимости (по сравнению с теоцентрической устремленностью Средневековья в жизнь загробную): «Наряду с оправданием потребностей и страстей земного человеческого существования важнейшее место в новой гуманистической системе нравственных ценностей занимало стремление к земной славе...» [18. С. 29]. Айн Рэнд наиболее ярко формулирует такое отношение к человеческой жизни в романе с говорящим названием «Мы живые»: «Представлять себе рай небесный, но не мечтать о нем, а стремиться к нему, требовать!» [17. С. 115].

Как отмечает В.И. Красиков, в понимании «природы человека Айн Рэнд напоминает великих эгоистов эпохи Возрождения (Пико дела Мирандола, «Речь о достоинстве человека»)...)» [19. С. 86]. Помимо итальянца Джованни Пико дела Мирандолы, автора «Речи о достоинстве человека» (*De hominis dignitate*, 1496), величие человека провозглашали такие ренессансные гуманисты, как Джанноццо Манетти («О достоинстве и превосходстве человека», *De dignitate et excellentia hominis*, 1451–1452), Бартоломео Фацио («О превосходстве и исключительности человека», *De excellentia et praestantia hominis*, 1443–1444), Леон Батиста Альберти («О семье», *Opere Volgari*, 1432–1441). Всех этих мыслителей объединяет то, что они воспевают человека как центр мироздания, говорят о целостности человека, ценности его достоинства и разума.

Мирандола в своей «Речи о достоинстве человека» рассуждает: «Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю» [20. С. 507]. Практически то же самое – слово в слово – звучит в речи Джона Голта в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи»: «Каждый волен подниматься так высоко, как хочет или может, но только уровень его мышления определяет ту ступень, на которую он перейдет» [16. Т. 3. С. 418]. Мирандола замечает: «Природа человека рассматривается как итог постоянного процесса становления, самостоятельного, сознательного и ответственного выбора» [20. С. 98]. В романе Айн Рэнд «Источник» идея самосовершенствования человеческой природы заявлена как нельзя более отчетливо. Говард Рорк – это человек-творец, цель жизни которого – совершенствование в своей профессии.

**2.2. Человек-архитектор.** Тема архитектуры в творчестве Айн Рэнд возникает далеко не случайно и связана с ее представлением о человеке как о существе целостном. Роман «Источник» посвящен судьбе Говарда Рорка, талантливого архитектора, и Айн Рэнд так пишет о своем выборе его профессии: «Я выбрала архитектуру, поскольку в ней сочетаются наука и искусство. Она в огромной мере задействует и инженерное дело, и эсте-

тику» [21. С. 221]. Как отмечает Айн Рэнд, архитектор «создает строение... отражающее его ценностную систему» [22. С. 45]. Именно поэтому главный герой романа «Источник» не соглашается брать заказы, не соответствующие его представлениям об эстетике.

В романе «Источник» прослеживается метафора целостного человека и гармоничного здания: «Здание живое, оно как человек. Его целостность в том, чтобы следовать собственной правде, собственной теме и служить собственной и единственной цели. Человек не берет займы свои члены, здание не заимствует части своей сущности» [15. Т. 1. С. 21]. Метафора здания как человека у Айн Рэнд перекликается, например, с описанием флорентийского кафедрального собора, принадлежащего Джаноццо Манетти, который сравнивал его части с частями человеческого тела [1. С. 366]. В эпоху Ренессанса создаются так называемые проекты «идеального города», принадлежащие архитекторам Леону Альберти, Уберто Дечембрио, Леонардо да Винчи и др. «Жизнь людей в таком городе очищена от эмпирического беспорядка и случайностей, возвышена в соответствии со своей идеальной, т.е. подлинной природой» [1. С. 365]. Отношение ренессансных гуманистов к профессии архитектора было особенным, архитектор полагался «главным устроителем человеческой жизни» [Там же. С. 366].

Леон Альберти, итальянский гуманист и архитектор, писал, что «человек по природе *costruttore*, и следовательно, он человек постольку, поскольку в нем есть нечто от архитектора» [Там же. С. 368]. Преклонение перед человеком-строителем в романе Айн Рэнд также достигает небывалых масштабов: «Это была новая земля, их собственная. И у них была еще одна защита – архитектор <...> человек, который сделал это возможным, мысль в голове этого человека, и даже не суть его мысли, не результат, не видение... а система его мышления, закон его функционирования... Он стоял на страже над долиной и над воинами-крестоносцами в ней» [15. Т. 2. С. 143]. Строительство как метафора самосовершенствования человека и выражение типично ренессансного преклонения перед величием человеческого духа достигает своего апогея в эпизоде создания Говардом Рорком Храма Стоддарда. «Рорк воздвиг храм во имя человеческого духа. Он видит в человеке сильное, гордое, чистое, мудрое, бесстрашное существо, способное на подвиг. Во славу именно такого человека он и воздвиг храм. В храме человек должен испытывать душевный подъем...» [Там же. Т. 1. С. 407].

Идеальный город для ренессансных гуманистов должен был служить целям нового человека. Описывая Флоренцию в панегирике «Восхваление города Флоренции» (*Laudatio Florentinae urbis*, 1403), итальянский гуманист Леонардо Бруни воссоздает картину совершенного макрокосма: «В этом сочинении... Флоренция предстает во всех ее ипостасях как непревзойденный образец совершенства» [23. С. 70]. Роман Айн Рэнд «Мы живые» содержит описание Петрограда постреволюционной эпохи, который она называет «монумент силе человеческого духа» [17. С. 242], имея в виду, конечно, его основателя – Петра Великого. Подчеркивая огромное значение личности в строительстве города, Айн Рэнд отмечает: «Петроград

не был рожден, он был создан. Человеческие руки и воля воздвигли его там, где люди не селились испокон веков» [17. С. 239]. Описание родного города Айн Рэнд – одна из самых поэтичных страниц ее книг. Каждая строчка тут дышит восхищением: «Петроград нетороплив, но и не ленив; он грациозен и размерен, как и приличествует размаху его огромных улиц. Этот город широко и привольно раскинулся среди болот и хвойных чащоб. Его площади напоминают вымощенные гранитом поля, а ширина его улиц не уступает притокам Невы, величайшей из рек, когда-либо рассекавших великие города» [Там же. С. 240]. Город уподобляется самой природе; созданный человеком, он гармонично вписывается в окружающее его пространство.

Описание Петрограда наполнено гордостью за величие человеческого духа, который сотворил эту красоту, однако природа, которую человек покорил, не уступает ему своих прав: «Правый берег, тот, что начинается сразу за крепостью, постепенно отвоевывает у города та самая природа, которую он когда-то вытеснил из своих границ; широкий бесконечный Каменноостровский проспект похож на реку, полную предчувствия моря; каждый шаг по нему – шаг навстречу природе» [Там же. С. 241]. Природа и город сливаются, перетекая друг в друга, знаменуя собой цельность человека как существа социального и природного одновременно (здесь писательница утверждает преодоление еще одной дихотомии, которая была впервые побеждена в эпоху Возрождения).

Как отмечает Баткин, итальянское Возрождение конструировало модель индивида, а не общества [1. С. 370]. На наш взгляд, Айн Рэнд также создает утопию отдельного человека, а не общества. Идея создания «нового человека» была более чем понятна писательнице, причем она воплощает ее с прямолинейностью, тем самым делая возвышенные идеи Возрождения более земными. В ее романах мы встречаем прямые метафоры «выковки» человека, которые присутствуют, например, в портретной характеристике героев: тело Джона Голта, героя романа «Атлант расправил плечи», «обладало твердостью... гладкой четкостью отлива из какого-то потускневшего, плохо обработанного отлива, вроде сплава меди с алюминием» [16. Т. 3. С. 7]. Эти «новые люди» преобразуют мир вокруг себя. Например, Кира Аргунова мечтает возвести в «пустыне», как характеризуется Советская Россия, свое здание: она учится на инженера, собираясь «построить дома из стали и стекла, а из белого алюминия – мост через голубую реку» [17. С. 43]. Идея пересоздания человеческого общества путем изменения философии отдельного человека была близка Айн Рэнд, о чем она прямо заявляла в своих философских работах: «The battle is primarily intellectual (philosophical), not political» [24. С. 97]. Индивидуалистичность ее утопических взглядов, представление о том, что только через трансформацию отдельной личности возможно изменение окружающего пространства, роднит Айн Рэнд с идеями ренессансных гуманистов, которые также предлагали любые изменения начинать с отдельно взятой личности. Человек идеи для Айн Рэнд – пустой звук без деятельности, которую он осуществляет вокруг себя: именно поэтому «новые люди» Айн Рэнд сочетают в себе ренессансный идеал человека одновременно просвещенного и деятельного.

**2.3. Человек деятельный.** Ренессансные гуманисты воспевали в человеке целеустремленность, трудолюбие, деятельное начало: «Гуманистическая мысль утверждала не просто самоценность человека – речь шла об активном человеке, о творческом характере его труда, о человеке-творце своего земного бытия» [23. С. 157]. Например, Леон Батиста Альберти сформулировал идеал *homo faber* – человека деятельного. Другой итальянский философ, Джордано Бруно, в своих трудах воспекает человеческую деятельность: «Истинным мерилom нравственности Бруно провозглашает человеческую деятельность: “Прочь от меня всякое безобразие, всякое безделье, неряшливость, ленивая праздность!”» [18. С. 295]. Известно, что Джордано Бруно сам отдал жизнь за свою идею, и его философией были слова: «Зачем мы так много бездельничаем и спим живые, если так долго, долго придется нам бездействовать и спать в смерти?» [25. С. 64].

Айн Рэнд знаменита фразой из романа «Атлант расправил плечи»: «На мой взгляд, существует единственная форма человеческого падения – потеря цели» [16. Т. 1. С. 190]. В эссе «Этика объективизма» (*The Objectivist Ethics*, 1964) она формулирует понятие «добродетель продуктивности»: «Продуктивный труд – это путь неограниченных достижений человека, требующий от него проявления лучших качеств характера: творческих способностей, целеустремленности, уверенности в себе, готовности бороться с любыми неудачами и преданности цели преобразования земли по образу своих ценностей» [26. С. 31]. Все положительные герои Айн Рэнд имеют жизненную цель, в осуществлении которой часто доходят до крайностей. Если мы обратимся к ее романам, то увидим, что их лучшие герои так или иначе проявляли «героический энтузиазм» (Дж. Бруно) в отстаивании своих идеалов или достижении своей цели. Герой пьесы «Идеал», одного из ранних произведений писательницы, Джонни Дауэс, отдает жизнь за свой идеал, кончая жизнь самоубийством и тем самым спасая Кэй Гонду, которая в пьесе предстает метафорой Истины. Впоследствии писательница нередко обращается к сюжету самопожертвования во имя своего дела или идеи. Л. Пейкофф, в своей редакции ее пьесы «Подумай дважды» (*Think twice*, 1939) приводит такие слова ее автора: «Думаешь ли ты... что я когда-нибудь отдам главную роль в своей истории кому-нибудь, кто не герой?» [27. С. 226].

Одна из наиболее трагических судеб в творчестве Айн Рэнд, несомненно, принадлежит главной героине ее первого романа «Мы живые», Кире Аргуновой. Девушка настолько поглощена своей целью – покинуть ненавистную ей Советскую Россию, что не останавливается даже перед риском быть убитой на границе, которую она незаконно пересекает. Героиня не боится смерти: «Она понимала, что умирает. Но для нее это больше не имело значения. Она узнала то, что никто из людей не рассказал бы ей» [17. С. 472]. Кира Аргунова, умирая, видит дерево: «Посреди равнины одиноко стояло маленькое деревцо. Хрупкие редкие веточки его не удерживали снега. В напряженном ожидании будущей весны и жизни оно тянулось своими тонкими черными ветками к заре, занимающейся над

необъятной землей» [17. С. 472]. Символ дерева во всех культурах одинаков: «В более широком смысле символизм дерева обозначает единство земного и небесного миров, его постоянное обновление – непрерывность жизненного цикла» [28. С. 142]. Дерево служит умирающей Кире напоминанием о том, что жизнь бесконечна и растворена повсюду в природе: «Непобежденная жизнь существует и будет существовать» [17. С. 472]. Утверждая вечность мира вокруг себя, героиня Айн Рэнд примиряется с собственной смертью: «инфинитистическое» понимание природы и человека в ней как творца, преобразовывающего природу, а на пороге смерти находящего утешение в вечности мира, реализует еще одну сторону ренессансной концепции личности и писательницы. Так и неназванный герой романа «Источник», попав в лес, где строился курорт Монаднок-Велли (проект Говарда Рорка), ощущает вечность всего сущего, которая знаменует собой и вечность человека: «Молодой человек начинал верить, что он не умрет, не должен умереть, если земля может так выглядеть. Никак не должен, ведь он слышал надежду и обещание не в словах, а листьях, стволах деревьев и скалах» [15. Т. 2. С. 137].

Храбрость Киры Аргуновой повторит героиня другого романа Айн Рэнд – Дагни Таггерт («Атлант расправил плечи») в сцене крушения вертолета, за штурвалом которого она находится. Она летит навстречу верной смерти, преследуя самолет, в котором находится человек, работавший над проектом восстановления вечного двигателя. Преодолевая опасность разбиться о скалы, она бесстрашно мчится вниз: «Она думала при этом, что не может бросить бесценное сокровище – мозг Квентина Дэниелса... Она спускалась в центр горного кольца, окружавшего долину. Полет был опасным – слишком мало места для маневра, но Дагни продолжала спускаться, пытаясь одновременно выполнить две задачи: отыскать дно долины и избежать гранитных скал, которые грозили задеть крылья моноплана» [16. Т. 3. С. 421]. В отличие от Киры Аргуновой она не погибает, но попадает в другой мир – Атлантиду, где собрались лучшие представители нового человечества. Джон Голт не случайно основывает свою Атлантиду глубоко в долине, вдали от глаз человеческих, где ожидает, пока мир разрушит себя сам, и только тогда он вернется торжествующим атлантом: в этой отъединенности от массы и нежелании бороться с ней радикальными методами также узнается ренессансное начало в трактовке Зелинского [8. С. 45].

В последнем романе Айн Рэнд также есть потрясающая сцена смерти работника сталелитейного завода «Риарден Стил», Кормилицы, который умирает на руках у хозяина завода. В него стреляют напавшие на завод, чтобы он не смог рассказать Риардену правду о том, что завод разгромили не рабочие, а бандиты из правительства. «Смерть... ничего не значит для химических соединений, но... <...> Но значит для меня... <...> Я хочу жить, мистер Риарден! Господи, как хочу! ...Не потому что умираю... а потому что понял лишь сегодня вечером, что значит быть по-настоящему живым...» [16. Т. 3. С. 334]. В сцене смерти Кормилицы Айн Рэнд утверждает еще раз преодоление дуализма «тело – разум»: Риарден, неся тело,

думал о том, что «то, что он нес, было представлением учителей парня о человеке – набором химических соединений» [16. Т. 3. С. 336]. Отрицая материалистическую парадигму, Рэнд говорит о единстве в человеке природного и социального начал, одновременно рисуя нам образы настоящего отважных людей, героев, готовых умереть за свои убеждения.

Деятельность человека не просто воспевается, а буквально обожествляется Айн Рэнд. Созидание «нового мира» для героя-творца сродни священнодействию. Так, здание вокзала «Таггерт» напоминает Дагни храм: «Глядя вверх, на высокий потолок, она видела неярко освещенные своды, опиравшиеся на огромные гранитные колонны, и верхние абрисы застекленных тьмой окон. Своды, полные торжественной умиротворенности католического собора, защитным покровом простирались над людской кутерьмой» [Там же. Т. 1. С. 76]. Храм божий размещается в здании железнодорожного вокзала: эта вполне ренессансная мысль для Айн Рэнд служит основанием для того, чтобы подчеркнуть божественность человека-творца и всего того, что он совершает. Далее, говоря о памятнике основателя дороги Натаниэля Таггерта, автор отмечает: «Взгляд, брошенный на него по пути через вестибюль, был единственной известной Дагни разновидностью молитвы» [Там же]. Аналогично Хэнк ассоциирует свой завод с местом для богослужения, когда мать спрашивает его: «И что же такое, этот твой завод – храм что ли?» Он отвечает ей: «А что... пожалуй, да...», удивляясь, «что такая мысль еще не приходила ему в голову» [Там же. С. 265]. Поэтизация человеческого труда у Айн Рэнд – очевидный отклик идей Зелинского о «трудорадостности», который говорит о труде как о божественном даре и религии: «Но замечу это с самого начала, не просто труда, а – прошу разрешить мне это возрожденческое слово – трудорадостности» [29].

Другой эпизод, в котором представлена «трудорадостность», – это побег Дагни Таггерт на лоно природы после того, как она понимает, что больше не может бороться против надвигающейся диктатуры иррациональности: «Солнечный луч коснулся вершин деревьев на склоне холма, и они засеребрились, отражая голубизну неба. Дагни стояла у двери коттеджа, подставив лицо первым ласковым лучам и любуясь бескрайними лесами, простиравшимися у ее ног. Свет, просочившись сквозь ветки, падал на заросли папоротника, которые вновь посылали его вверх яркими фонтанами зеленых лучей. Дагни наслаждалась игрой отражений среди зачарованной дикой природы» [16. Т. 2. С. 321]. Героиня Айн Рэнд, устав от бурь городской жизни, припадает к природному источнику, черпая в ней энергию для дальнейшей борьбы. В этом ей помогает та самая «трудорадостность»: «Работа приносила желанное успокоение... Просто все преображалось, побуждало двигаться дальше, давая целительное чувство умиротворения» [Там же. С. 322]. Сравнивая свою работу с природным циклом, героиня говорит о конечном бессмертии всего сущего: «А работа по восстановлению дороги оживляла ее, она не убивала дни, нет, каждый день включал в себя все предыдущие и об-

ретал бессмертие в каждом последующем. Цикл, думала она, это движение, свойственное физической природе» [16. Т. 2. С. 322].

В другом эпизоде, в романе «Источник», Доминик Франкон в минуту душевных мучений, когда она понимает, что любит Говарда Рорка, но собирается выйти замуж за Гейла Винанда, также обращается к природе: «Сложив руки под головой, она следила за движением листвы на фоне неба. Это занятие целиком поглощало ее и давало полное удовлетворение. Она думала о том, как чудесна зелень. Есть разница между зеленью деревьев и просто зелеными предметами. В растениях заключен свет, это не просто нечто зеленое, это жизненная сила, ставшая видимой» [15. Т. 2. С. 316–317]. Героиня признается в любви к окружающему ее миру: «Земля прекрасна. Она опора для всего...» [Там же. С. 317]. Понимая мир, как «вместилище жизни», она ощущала себя его неотъемлемой частью [Там же. С. 325].

Другой стороной целеустремленности человека у Айн Рэнд оказывается способность наживать материальные ценности. Известно ее отношение к деньгам вообще и к богатству в частности: «But you say that money is made by the strong at the expense of the weak? What strength do you mean? It is not the strength of guns or muscles. Wealth is the product of man's capacity to think»<sup>1</sup> [30. Р. 88]. Один из героев ее пьесы «Подумай дважды» Гастингс заявляет: «Но вот в чем разница: человек, который заявляет, что хочет денег, прав. Он обычно ценит заработанное. Он не убивает ради денег. Ему это не нужно. Но посмотрите на того, кто истошно вопит, что презирает деньги. Посмотрите внимательно на того, кто вопит, что и остальные должны их презирать. В нем есть кое-что гораздо более страшное, чем любовь к деньгам» [31. Р. 197]. Герои Айн Рэнд ценят деньги и умеют их зарабатывать, не считая богатство грехом, если оно заработано своим трудом. Символом Атлантиды – утопической страны, куда она отправила своих «атлантов», недаром становится доллар как утверждение ценности человеческого труда. Именно в эпоху Возрождения вопрос накопления был в значительной степени пересмотрен по сравнению со средневековым представлением о богатстве как о грехе. Поджо Браччолини в трактате «О жадности» (*De avarizia*, 1428–1429) признает жажду накопительства естественной для человека и, мало того, – полезной для прогресса: «Если каждый будет довольствоваться необходимым... исчезнет весь блеск городов, исчезнут красота и великолепие, не будут сооружаться храмы и портики, прекратят существование все искусства, да и вся наша жизнь и общественный порядок расстроится» [23. С. 159].

**2.4. Человек целостный.** Джанотто Манетти в трактате «О достоинстве и превосходстве человека» рассуждает о духовном и плотском в человеке, закладывая основы реабилитации плотского начала в человеке, которое подавлялось в средневековом мире [32]. Джованни Пико дела Мирандолла

---

<sup>1</sup> «Но вы говорите, что деньги сделаны сильными за счет слабых? Что за силу вы имеете в виду? Это не сила оружия или мышц. Богатство – это продукт способности человека мыслить».

называет человека «узлом мира», объединяющим материю и дух [20]. Целостность человека – аксиома для Айн Рэнд: «Integrity is the recognition of the fact that you cannot fake your consciousness, just as honesty is the recognition of the fact that you cannot fake existence – that man is an indivisible entity, an integrated unit of two attributes: of matter and consciousness, and that he may permit no breach between body and mind, between action and thought, between his life and his convictions...»<sup>1</sup> [33. Р. 128]. Устами Джона Голта она спорит в своем романе «Атлант расправил плечи» с последователями дуализма: «Они делят человека надвое и восстанавливают одну половину против другой. Они учат его: тело и сознание – два врага, встретившихся в смертельном поединке, два антагониста противоположной природы, их требования противоречивы, потребности несовместимы...» [16. Т. 3. С. 373].

Философ И.Я. Грот отмечает, что на протяжении всей доренессансной философии существовали и противостояли друг другу две линии мысли – монистическая и дуалистическая. Монизм – полная власть материи, отрицание духовного; естественным следствием монизма будет уничтожение смысла «всякой нравственной борьбы всякого произвольного самоусовершенствования» [34. С. 93]. Дуализм, представляя тело и дух отдельными друг от друга, «ведет логически к теории фатализма и, вследствие этого самого, к апатии и нравственной инертности» [Там же]. Доктрина, возникающая в эпоху Возрождения, определяется Гротом как «монодуалистическая», иначе – пантеистическая. Высшей формой пантеистического мировоззрения Грот полагает синтетический пантеизм, который примиряет монизм и дуализм (Бог как начало жизни и как личное бесконечное сознание вселенной).

Преодоление дуализма тела и духа, устремление к целостности человека, соответствие мыслей человека его поступкам, из которых закономерно вырастает индивидуализм человеческой личности, – вот те идеалы, которые развивает Айн Рэнд в своих художественных текстах. С.М. Chiabarra [7] признает, они в значительной степени сформировались под влиянием в том числе ренессансного гуманизма, в эпоху которого целостность человеческого духа и материи воплотилась в произведения искусства.

В завязке романа «Атлант расправил плечи» автор описывает дуб, у которого в детстве любил бывать один из героев романа Эдди Уиллерс: «Оно уже простояло здесь не одну сотню лет, и мальчику казалось, что так будет всегда» [16. Т. 1. С. 9]. Олицетворяя для мальчика саму природу, вечную и неизменную, дерево давало ему силу: «Корни дуба впивались в холм, как ухватившая землю пятерня <...> Он чувствовал себя в безопасности возле этого дуба: дерево не могло таить в себе угрозу, оно воплощало величай-

---

<sup>1</sup> «Целостность – это признание того факта, что вы не можете подделать свое сознание, и также того, что вы не можете подделать существование; что человек есть неделимая сущность, объединенное целое двух свойств – материи и сознания, и он не может допускать разрыва между телом и разумом, между действием и мыслью, между его жизнью и его убеждениями».

ший, с точки зрения мальчика, символ силы» [16. Т. 1. С. 9]. И в то же время дуб стал для мальчика учителем, показав ему, что и отдельные частицы природы смертны: «Но однажды ночью в дом ударила молния. Эдди увидел дерево на следующее утро. Дуб переломился пополам, и он заглянул внутрь ствола... Ствол оказался пустым; сердцевина давным-давно сгнила, внутри остался только мелкий серый прах, который уносило дыхание легкого ветерка. Жизнь ушла, а оставленная ею форма не могла существовать самостоятельно» [Там же]. В этом эпизоде утверждается нераздельность формы и содержания и опровергается дуализм всего сущего в природе: как в человеке душа и тело не могут существовать отдельно одно и от другого, так и дуб, потеряв целостность, прекратил свое существование. Испытав потрясение при столкновении со смертью того, что казалось ему вечным, герой испытал чувство, подобное «невероятному предательству», а причиной этого было наблюдение за тем, что Айн Рэнд называла «дуализм». Утверждая монистичность мира, она во многом продолжает ренессансную концепцию единого и бесконечного мироздания.

В другом эпизоде – встрече Дагни Таггерт и Джона Голта в долине – демонстрируется цельность природы, неразрывно сочетающей в себе мужское и женское начала: «Голт нес ее по узкой извилистой тропе, спускавшейся ко дну долины. На склонах вокруг, неподвижно прямо, в мужественной простоте, будто доведенные до искомой формы скульптуры, стояли высокие темные пирамиды елей – полная противоположность сложному, женственному, многообразному кружеву трепетавших в солнечных лучах березовых листьев» [Там же. Т. 3. С. 11]. Кроме признания гармонии природы, в этом описании можно заметить сравнение деревьев – воплощения природного начала с рукотворными скульптурами, чем подчеркивается связь природы и человека, также свойственная ренессансной эстетике.

О конфликте тела и духа говорит главный герой романа «Атлант расправил плечи» Хэнк Риарден. Рассуждая о своем чувстве к Дагни Таггерт, он признает, что испытывал чувство вины из-за навязанного ему извне дуализма тела и сознания: «Это желание – а ведь и его я проклинал как недостойное – родилось не от взгляда на ее тело, а от осознания того, что прекрасная форма, явленная моим глазам, выражает величие духа» [Там же. Т. 2. С. 272]. Отсутствие целостности Риарден находит и между материальным и духовным в сфере творения нового металла: «Точно так же они проклинали способность моего интеллекта создавать новый металл, проклинали меня за преобразование материи, служившей мне. Я принял их закон и поверил тому, чему они меня учили: духовные ценности – лишь бессильные устремления, от них не ждут действий, способных стать реальностью...» [Там же].

О противоречии между убеждениями и поступками человека, которое также создает отсутствие целостности в человеке, Айн Рэнд говорит в своей ранней пьесе «Идеал» (*Ideal*, 1934), которая может служить примером претекста к ее дальнейшим романам. Сюжет пьесы строится на противоречии между ценностями героев, которые они декларируют на словах, и по-

ступками, которые они в итоге совершают. Образ Кэй Гонды – метафора честности, которую каждый волен принять или предать, демонстрируя, таким образом, целостность либо дуализм собственной личности.

Наиболее наглядно величие целостного человека показано Айн Рэнд в сцене пытки Джона Голта («Атлант расправил плечи»): «Голт лежал, расслабившись, словно не пытался противостоять боли, а покорялся ей, не пытался ослабить ее, а сносил» [16. Т. 3. С. 507]. Здесь Айн Рэнд демонстрирует единство плоти и духа, доходящее до способности духа управлять телом: «Он лежал спокойно, с закрытыми глазами, расслабив руки и слушая, как сердце борется за его жизнь» [Там же]. В образе Джона Голта воплотились все стремления писательницы воссоздать образ идеального человека, который – в первую очередь – целостен: «He will be an *integrated man*, that is: a thinker who is a man of action. He will know that ideas divorced from consequent action are fraudulent, and that action divorced from ideas is suicidal»<sup>1</sup> [4. P. 51]. Джон Голт – исключительный герой Айн Рэнд, это не просто демиург, а демиург, превзошедший сам себя. В эпизоде пытки Голта Рэнд фактически воплощает ренессансное распятие Христа: «В Христе (в эпоху Ренессанса. – А.Г.) видят прежде всего Воскресшего, сверхчеловечески прекрасного победителя смерти, в телесном отношении атлета. Даже в его смерти и мученичестве просвечивает всепобеждающая энергия» [2]. Именно такая трактовка Христа как приносимого в жертву и одновременно возрождающегося божества была воспринята писателями Серебряного века (в частности, А. Белым в романе «Серебряный голубь»), среди которых происходило становление Рэнд как мыслителя.

Трансформируя концепцию целостного человека, зародившуюся в эпоху Ренессанса, Рэнд обожествляет человека, который представляет собой не просто демиурга, но часть природы вокруг себя, причем иерархически высшую ее часть. Если ренессансные гуманисты, обожествляя человека, полагали, что человек создан Богом, но, будучи подобием божиию, способен сам изменять себя, то Рэнд полагает человека слитым с природой, ею сотворенным и способным менять себя и универсум. В завязке романа «Источник» главный герой Говард Рорк (ренессансные корни которого в своей диссертации отмечает американская исследовательница В.А. Sue Evelyn Coffman [35]) стоит на краю утеса абсолютно нагой (что подчеркнуто акцентирует телесность человека, также являясь элементом ренессансного начала в концепции человека Рэнд) и созерцает простирающуюся перед ним природу: «Всплеск гранита взметнулся к небу и застыл над безмятежной водой. Вода казалась недвижимой, утес – плывущим. В нем чувствовалось оцепенение момента, когда один поток сливается с другим – встречным и оба застывают на мгновение, более динамичное, чем само движение» [15. Т. 1. С. 11]. Здесь Рэнд передает величие природы, в кото-

---

<sup>1</sup> «Он будет целостным человеком, то есть мыслителем, являющимся человеком действия. Он будет знать, что идеи, оторванные от последующих действий, являются мошенничеством и что действия, оторванные от идей, являются самоубийством».

рой все гармонично и взаимосвязано (в соответствии с ренессансной эстетикой). Бесконечность мира, которым управляет человек-демиург, передана в следующих строках: «Утес уходил в глубину, ничуть не изменившись. Он начинался и заканчивался в небе. Весь мир, казалось, висел в пространстве, словно покачивающийся в пустоте остров, прикрепленный якорем к ногам человека, стоящего на скале» [15. Т. 1. С. 11]. Айн Рэнд передает гармонию универсума, в котором каждое создание самоценно, гармонично взаимодействует с остальными частями, а на вершине стоит человекобог, который, однако, также часть окружающего его бытия: «Лицо его было словно закон природы – неизменный, неумолимый, не ведающий сомнений» [Там же. С. 12].

Ренессансный гуманизм часто называют «религией разума» за воспевание в человеке рационального начала: «Определение и возвеличивание разума человеческого, хотя и в разной степени и в разном значении, – вот главная руководящая идея новой философии...» [1. С. 290]. Например, Джордано Бруно в своих произведениях высмеивает религию и церковнослужителей, говоря о том, что они забыли о том, что у человека есть разум: «Они не могли, как Адам, сорвать запретный плод с дерева познания или, подобно Прометею, похитить небесный огонь у Юпитера и зажечь им свет разума» [25. С. 485]. Воспевая человека и его цельность, Бруно призывает возвести в культ именно человеческий разум: «Разум, дающий жизнь всему... Это Тимей, дающий формы; Душа, как формальное начало, названная... источником форм; материя, из которой творится и формируется любая вещь – хранилище форм» [Там же].

Цельность человека для Айн Рэнд в конечном итоге заключается в признании человеческого разума высшей ценностью: «Суть Объективизма суммируется в тезисе: “Следуй разуму”» [9. С. 192]. Однако в начале статьи мы уже упомянули о том, что при этом Рэнд отвергает просветительский рационализм, полагая разум неотъемлемым свойством человека, но не деля человека на «существо разумное» и «чувствующее»: «Я отрицаю дихотомию разума и эмоций <...> Такую дихотомию создают иррациональный человек и иррациональная культура» [21. С. 189]. Как отмечает С.М. Chiabarra, разум для Айн Рэнд воплощает практическую и эпистемологическую деятельность, являясь отражением неразделимого единства ума и тела [7. С. 155]. Таким образом, Рэнд ближе в своем понимании разума к ренессансным гуманистам, нежели к рационалистам эпохи Просвещения.

Айн Рэнд подчеркивала, что в основании философии объективизма лежит понятие о целостном едином сознании: «Мы должны знать, что есть на свете и какова его природа. Но попытки объяснить “источник” всего – вселенной – сопряжены с противоречием. Куда вы помещаете себя, свой разум, когда пытаетесь найти объяснение? Вы, наблюдатель, – сами часть вселенной» [21. С. 178]. В этих словах ключевая концепция Рэнд: человек не существует отдельно от природы, он ее часть, а существование каждой из частей нуждается не в объяснении, а в изучении. Здесь Рэнд очевидно

сближается с мыслителями Ренессанса, осмысляющими человека в единстве с природой.

**3. Заключение.** В заключение необходимо отметить, что Айн Рэнд возвращается к идеям, лежащим в основе ренессансной культуры, спустя столетия, что в значительной степени определило трансформацию этих идей в качественном смысле. Признавая ренессансный период человечества коротким и непродолжительным, она подчеркивает его качественное значение для человечества. Полагая, что достижения Ренессанса были утеряны уже в эпоху Просвещения, Айн Рэнд реконструирует их в своих текстах как «отголоски» своего личного культурного опыта, полученного ею в течение времени, проведенного в стенах Петроградского университета, где она получила фундаментальное образование.

В ее романах мы находим скорее попытку приблизиться к высоким образцам ренессансной культуры, чем прямое продолжение и развитие ее мыслей, однако этим же занимался и Союз Третьего Возрождения, возглавляемый Зелинским. Ренессансная культура многолика, привлекает к себе ищущих возрождения величия человека в переломные эпохи человечества, и Айн Рэнд не была исключением, конструируя свою личную утопию. Неизменным для таких реконструкций становится возрождение лучших идей Античности (Айн Рэнд известна трепетным отношением к Аристотелю: возрождение античного наследия в ее текстах – тема для отдельного глубокого исследования), признание человека как существа целостного и свободного. Творчески перерабатывая и переосмысляя философские идеи Возрождения, она переносит их на новую «почву» современности.

Ренессансный гуманизм – одна из составляющих индивидуальной утопии Айн Рэнд; не единственная, но важная. Идея человека-индивидуалиста, человека целостного, деятельного, творящего, оказывается в ее творчестве одной из основных философских идей. Воссоздавая в своих романах идеального человека, она конкретизирует идеальную схему ренессансных гуманистов, воплощая ее в образах архитектора, бизнесвумен, изобретателя и т.п. Соотнося современную ей американскую модель человека преуспевающего (self-made man) с базовыми гуманистическими ценностями Возрождения, Айн Рэнд создает более конкретный и «земной» образ «нового человека», творчески совмещая его с идеей единства человека и природы. Эпизоды описаний природы, которые мы анализировали выше, это подтверждают, образуя обрамление вокруг основных сюжетных линий борьбы человека в сложном социальном мире за право быть сильным. Человек в художественном мире Рэнд не отделен от универсума, он постоянно слит с ним, образуя гармоничную часть единого целого, что органично вписывается в концепцию «преодоления дуалистичности» – базовую для философии объективизма.

Возвращаясь к проблеме, заявленной в начале статьи, отметим, что за рубежом Айн Рэнд воспринимается как преимущественно американский философ и писатель (исключение составляют работы отдельных американ-

ских исследователей, например В.Г. Rosenthal о русском субтексте в романах писательницы [36]), в России же ее тексты были до последнего времени и вовсе неизвестны. Как это часто бывает с «возвращенными» на Родину авторами, их идеи поначалу воспринимаются как чуждые для породившей их же стороны, что и произошло с утопическими идеями Рэнд. Осмысление наследия Рэнд сквозь призму ренессансной эстетики позволяет связать писательницу с ее русскими корнями, вписать ее в контекст не только американского, но и русского культурного достояния. Ренессансная идея самоценности человека в конечном счете не имеет национальности, привлекая своей простотой и цельностью, особенно актуализируясь в наши дни.

### *Литература*

1. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М. : РГГУ, 1995. 448 с.
2. Гуревич П. Философия человека // Гуманитарные технологии: Аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6074>
3. Рэнд А. Левые: старые и новые // Рэнд А. Возвращение примитива: Антииндустриальная революция. М., 2016. С. 195–208.
4. Rand A. For the New Intellectual // A. Rand. For the New Intellectual. N.Y. : Random House Inc., 1961. P. 7–48.
5. Рэнд А. Романтический манифест: Философия литературы. М. : Альпина Паблишер, 2011. 199 с.
6. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика // Liberty News: Новости Свободы. URL: <http://www.libertynews.ru/node/325>
7. Sciabarra C.M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013.
8. Зелинский Ф.Ф. Цицерон в истории европейской культуры // Зелинский Ф.Ф. Возрожденцы: Научно-популярные статьи по всеобщей литературе. СПб., 1922. Вып. 1. С. 20–57.
9. Пейкофф Л. Объективизм: философия Айн Рэнд. М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012. 575 с.
10. Сперанская Н. Русская античность // Фридрих Ницше: Для всех и ни для кого (к 100-летию со дня смерти). URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/estetika/speranskaya/>
11. Вильгоцкий А. Кто такая Айн Рэнд? М. : АСТ, 2015. 352 с.
12. Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново : ИГХТУ, 2009. 230 с.
13. Рэнд А. Гимн. М. : Альпина Паблишерз, 2009. 112 с.
14. Ролло М. Смысл тревоги. М. : Класс, 2001. 384 с.
15. Рэнд А. Источник : в 2 кн. М. : Альпина Паблишерз, 2010. Т. 1. 453 с.; Т. 2. 350 с.
16. Рэнд А. Атлант расправил плечи : в 3 ч. М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. Т. 1. 436 с.; Т. 2. 424 с.; Т. 3. 538 с.
17. Рэнд А Мы живые. М. : Альпина Паблишерз, 2011. 473 с.
18. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1980. 368 с.
19. Красиков В.И. Философы в четырех волнах русской эмиграции в Америке: траектории жизненных судеб // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 2. С. 85–91.
20. Мирандола П. дела Дж. Речь о достоинстве человека // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. М., 1962. Т. 1. С. 506–514.
21. Рэнд А. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике. М. : Альпина Паблишер, 2012. 282 с.

22. Рэнд А. Искусство и познание // Рэнд А. Романтический манифест: Философия литературы. М., 2011. С. 44–81.
23. Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры. М. : Изд-во МГУ, 2002. 384 с.
24. Rand A. What Can One Do? // Rand A. Philosophy: Who Needs It. N.Y. : Signet. P. 97–104.
25. Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. М. : Алгоритм, 2014. 680 с.
26. Рэнд А. Этика объективизма // Добродетель эгоизма. М., 2015. С. 13–42.
27. Пейкофф Л. Подумай дважды: предисловие редактора // Рэнд А. Подумай дважды. М. : Астрель, 2012. С. 112–115.
28. Кирло Х. Словарь символов: 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М. : Центрполиграф, 2007. 525 с.
29. Зелинский Ф.Ф. Освящение труда // Культура и искусство: Онлайн журнал. URL: [http://www.cult-and-art.net/society/67211-f\\_f\\_zelinskij\\_osvjawenie\\_truda](http://www.cult-and-art.net/society/67211-f_f_zelinskij_osvjawenie_truda)
30. Rand A. The Meaning of Money // Rand A. For the New Intellectual. N.Y. : Random House Inc., 1961. P. 70–74.
31. Рэнд А. Подумай дважды // Рэнд А. Подумай дважды. М., 2012. С. 116–226.
32. Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / под ред. С.М. Стама. Саратов, 1988. Ч. 2. С. 8–40.
33. Rand A. «This Is John Galt Speaking» // Rand A. For the New Intellectual. N.Y., 1961. P. 94–159.
34. Грот Н.Я. Джордано Бруно и пантеизм // Сочинения : в 4 т. Мелитополь, 2013. Т. 1. С. 69–157.
35. Sue Evelyn Coffman B.A. Howard Roark as Hero: Thesis For The Degree of Master of Arts. Denton, Texas, 1965. 134 p.
36. Rosenthal B.G. The Russian Subtext of «Atlas Shrugged» and «The Fountainhead» // The Journal of Ayn Rand Studies. 2004. No. 1. Vol. 6. P. 195–225.

## THE RECEPTION OF THE RENAISSANCE CONCEPTION OF MAN IN AYN RAND'S LITERARY WORKS

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 2018. 55. 142–163. DOI: 10.17223/19986645/55/10

Anastasiya V. Grigorovskaya, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a.v.grigorovskaya@utmn.ru

**Keywords:** Ayn Rand, Renaissance, American literature, Renaissance conception of man, individualism.

The aim of the paper is the detection of the reception of the Renaissance conception of man in Ayn Rand's fiction. This aim is determined by the fact that Rand's fiction contains features of many philosophical directions, yet it is the "monoduality" (J. Groth) of the Renaissance that correlates with Objectivism expressed in Rand's texts. Rand's "overcoming of duality" (C. Chiabarra) is similar to the Renaissance ideals. Renaissance ideas in Rand's texts are received through the influence of the ideas of T.S. Zieliński and of the thinkers of the Union of the Third Renaissance.

In her texts, Rand rethinks human wholeness, a value of Renaissance humanism. She uses the theme of architecture for this purpose. In *The Fountainhead*, she presents an image of an architect (Howard Roark) who is close to the Renaissance ideals. The idea of humankind recreation via changing one separate human was close to Rand, and it unites her with Renaissance humanists. The idea of transformation of a person captured by Giovanni Pico della Mirandola (*Oration on the Dignity of Man*) and by Giordano Bruno (*The Expulsion of the Triumphant Beast*) turned into the idea of creation of a new human in Rand's texts. Bruno's heroic enthusiasm (extreme dedication in goal achievement, readiness to die for the idea) is demonstrated by such characters of her novels as Kira Argunova (*We the Living*), Dagny Tag-

gart and Wet Nurse (*Atlas Shrugged*). The ability to accumulate material values arises from man's extreme dedication. This ability became sinless in the Renaissance, and Rand also supports it.

The conflict between human body and soul, the contradiction between human's beliefs and his acts presented in the situations of Rand's novels create the non-wholeness in man (it was primarily stated by the Renaissance philosophers G. Manetti, G. Pico della Mirandola, etc.). "The religion of mind" as an attempt to overcome the duality of human consciousness preached by Renaissance philosophers becomes a cornerstone in Rand's philosophy of Objectivism. At the same time, Rand overcomes the "natural – social" dichotomy in her texts. The unity of man with the surrounding world is reconstructed in episodes of nature descriptions. Nature is understood in an infinitistic way, and man is the creator in it.

In conclusion, it is necessary to notice that Rand is not a direct successor of the Renaissance ideas, but she rethinks them ingeniously by recreating images of great characters in her novels. The Renaissance was a short period of human individuality's blossom which she received through Russian culture. Receiving the post-Renaissance aesthetics as destructive, she returns to the Renaissance conception of man, and rethinks it in her texts.

### References

1. Batkin, L.M. (1995) *Ital'yanskoye Vozrozhdeniye: problemy i lyudi* [Italian Renaissance: problems and people]. Moscow: RSUH.
2. Gurevich, P. (2012) *Filosofiya cheloveka* [Philosophy of Man]. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6074>.
3. Rand, A. (2016) *Vozvrashcheniye primitiva: Antiindustrial'naya revolyutsiya* [The Return of the Primitive: The Anti-Industrial Revolution]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher. pp. 195–208.
4. Rand, A. (1961) Rand, A. (1961) *For the New Intellectual*. N.Y.: Random House. pp. 7–48.
5. Rand, A. (2011) *Romanticheskiy manifest: Filosofiya literatury* [The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
6. Bowes, D. (n.d.) *Libertarianstvo: istoriya, printsipy, politika* [Libertarianism: history, principles, policy]. Translated from English. [Online] Available from: <http://www.libertynews.ru/node/325>.
7. Sciabarra, C.M. (2013) *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press.
8. Zieliński, T.S. (1922) *Vozrozhdentsy* [Renaissance people]. Is. 1. Petrograd. pp. 20–57.
9. Peikoff, L. (2012) *Ob'yektivizm: filosofiya Ayn Rend* [Objectivism: Ayn Rand's philosophy]. Translated from English. Moscow: Astrel': Poligrafizdat.
10. Speranskaya, N. (2016) *Russkaya antichnost'* [Russian Antiquity]. [Online] Available from: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/estetika/speranskaya/>.
11. Vil'got'skiy, A. (2015) *Kto takaya Ayn Rend?* [Who is Ayn Rand?]. Moscow: AST.
12. Shishkina, S.G. (2009) *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoy antiutopii v XX veke* [The origins and transformations of the literary dystopia genre in the 20th century]. Ivanovo: IGKHTU.
13. Rand, A. (2009) *Gimn* [Anthem]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
14. Rollo, M. (2001) *Smysl trevogi* [The meaning of anxiety]. Translated from English. Moscow: Klass.
15. Rand, A. (2010) *Istochnik: v 2 kn.* [La Source Vive: in 2 books]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
16. Rand, A. (2009) *Atlant raspravil plechi: v 3 ch.* [Atlas Shrugged: in 3 parts]. Translated from English. Moscow: Al'pina Biznes Buks.
17. Rand, A. (2011) *My zhivyye* [We the Living]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.

18. Gorfunkel, A.Kh. (1980) *Filosofiya epokhi Vozrozhdeniya* [Philosophy of the Renaissance]. Moscow: Vyssh. Shk.
19. Krasikov, V.I. (2009) *Filosofy v chetyrekh volnakh russkoy emigratsii v Amerike: trayektorii zhiznennykh sudeb* [Philosophers in the four waves of Russian emigration in America: life trajectories of life]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2. pp. 85–91.
20. Mirandola, P. della G. (1962) Rech' o dostoinstve cheloveka [Oration on the Dignity of Man]. In: Ovsyannikov, M.F. et al. (eds) *Istoriya estetiki: Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli: v 5 t.* [History of aesthetics: Monuments of world aesthetic thought: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Arts.
21. Rand, A. (2012) *Otveti: Ob etike, iskusstve, politike i ekonomike* [Ayn Rand Answers]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
22. Rand, A. (2011) *Romanticheskii manifest: Filosofiya literatury* [The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher. pp. 44–81.
23. Bragina, L.M. (2002) *Ital'yanskiy gumanizm epokhi Vozrozhdeniya: Idealy i praktika kul'tury* [Italian humanism of the Renaissance: The ideals and practice of culture]. Moscow: Moscow State University.
24. Rand, A. (1984) *Philosophy: Who Needs It*. N.Y.: Signet. pp. 97–104.
25. Bruno, G. (2014) *Izgnaniye torzhestvuyushchego zverya* [The Expulsion of the Triumphant Beast]. Translated from Italian. Moscow: Algoritm.
26. Rand, A. (2015) *Dobrodetel' egoizma* [The virtue of selfishness]. Moscow: Al'pina Publisher. pp. 13–42.
27. Peykoff, L. (2012) Podumay dvazhdy: predisloviye redaktora [Think Twice: Editor's Foreword]. In: Rand, A. *Podumay dvazhdy* [Think Twice]. Translated from English. Moscow: Astrel'.
28. Cirlot, J.E. (2007) *Slovar' simvolov: 1000 statey o vazhneyshikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [A dictionary of symbols: 1000 articles on the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf.
29. Zieliński, T.S. (2013) *Osvyashcheniye truda* [The Consecration of Work]. [Online] Available from: [http://www.cult-and-art.net/society/67211-f\\_f\\_zelinskij\\_osvjawenie\\_truda](http://www.cult-and-art.net/society/67211-f_f_zelinskij_osvjawenie_truda).
30. Rand, A. (1961) *For the New Intellectual*. N.Y.: Random House. pp. 70–74.
31. Rand, A. (2012) *Podumay dvazhdy* [Think Twice]. Moscow: Astrel'. pp. 116–226.
32. Manetti, G. (1988) O dostoinstve i prevoskhodstve cheloveka [On the dignity and superiority of man]. Translated from Italian. In: Stam, S.M. (ed.) *Ital'yanskiy gumanizm epokhi Vozrozhdeniya* [Italian humanism of the Renaissance]. Pt. 2. Saratov: Saratov State University.
33. Rand, A. (1961) *For the New Intellectual*. N.Y.: Random House. pp. 94–159.
34. Grot, N.Ya. (2013) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 1. Melitopol': Izd. dom. Melitopol'skoy gorodskoy tipografii. pp. 69–157.
35. Coffman, S.E. (1965) *Howard Roark as Hero*: Thesis For The Degree of Master of Arts. Denton, Texas.
36. Rosenthal, B.G. (2004) The Russian Subtext of “Atlas Shrugged” and “The Fountainhead”. *The Journal of Ayn Rand Studies*. 6 (1). pp. 195–225.